КРОКОДИЛ

№ 22 (1672) • ГОД ИЗДАНИЯ 41-й • 10 АВГУСТА 1962

— Спасайся, кто может, ВРИО Кота идет!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

К.

Не надо слов

Это случилось непроизвольно. Около одной из новостроек поселка Яйвы я увидел строителей и обратился к ним с кратким приветственным словом.

— Хорошо строите! — сказал я.— Эдак через месяц и новоселье можно праздновать!

Я не успел довыразить свою мысль. Около меня мигом оказалось двое разгневанных мужчин.

— Пройдемте,— сказали мужчины, обнимая меня надежно, но брезгливо, как дружинник стилягу.

Они быстро довели меня до одноэтажного дома и, распахнув дверь с вывеской «Начальник строительного управления С. Н. Малевинский», водворили в кабинет.

— Сергей Николаевич, вот он! — сказали мужчины.— Стоял у дома 29-а и сомневался. Говорил, что этот готовенький дом будет построен только через месяц.

Сергей Николаевич поднял на меня глаза, и я ужаснулся. Такое лицо бывает у учителя географии, когда его любимый ученик говорит, что Волга впадает в Сандуновские бани.

— Нет-нет, я ни в чем не сомневался! — закричал я.— То есть я сомневался, но уже осознал. Максимум через десять дней этот дом будет сдан.

— Вы ничего не поняли, над вами надо еще поработать,— горько сказал Сергей Николаевич.— Отрешитесь от ползучего эмпиризма и взгляните в лицо актам. Может быть, для вас еще не все потеряно.

Я углубился в акты. Печати на них сияли, как луна в полнолуние. А подписи! Что за подписи! В них увековечили себя и заместитель председателя Александровского горисполкома тов. Катаев, и директор строящейся Яйвинской ГРЭС тов. Капитоненко, и пожарный инспектор района тов. Пылаев... И все это канцелярское великолепие официально подтверждало, что дом 29-а государственной комиссией принят с положительной оценкой еще 31 марта 1962 года.

— Как вы теперь будете смотреть в глаза людям? — поинтересовался тов. Малевинский.— Чем вы ответите на гнев прорабов?

Я не знал, как буду смотреть и чем смогу ответить. Только что я сам видел незастекленные окна, нештукатуренные стены и ненастланные полы. Но передо мной лежал акт, солидный и добротный, как надмогильная плита. И этот акт утверждал, что в доме 29-а все, что следовало совершить, совершено.

В поисках выхода из раздиравших меня противоречий я отправился к директору строящейся Яйвинской ГРЭС тов. Капитоненко.

— Не надо волноваться,— приветливо сказал мне директор.— Ведь строители сдавали не весь дом, а только его половину.

— Правую, где стены не штукатурены? — догадался я.

— Наоборот, левую, где полов не было. А может, и были, только некрашеные. Точно сказать не могу. Я тогда был болен, вышел на работу много позже.

— Но на акте стоит ваша подпись...

— Подпись? Какая подпись? Впрочем, да, стоит. Попросили подписать. Ради общего дела пошел навстречу. Только вы не волнуйтесь. Полы, стены — это несущественно. Вот я где-то читал: дом без крыши очковтиратели сдали! А у нас мелочи...

Хороший человек тов. Капитоненко, сердечный. В отдельном кабинете сидит.

Посетил я самого заместителя председателя горисполкома тов. Катаева.

— Буду говорить честно,— сказал тов. Катаев с отвагой.— Человек я здесь новый, со спецификой не знаком. Приехал в Яйву за два дня до конца квартала. Ну, как, спрашиваю, через день будет все в ажуре? Будет, отвечают. Между прочим, люди они все солидные, положительные. Я взял и подписал.

— А как там насчет полов?

Заместитель председателя даже удивился:

— Так пол ведь не крыша! Это когда без крыши, тогда очковтирательство, а если полов нет,— всего-навсего недоделка. Кроме того, мы не целую половину дома принимали, а только два верхних этажа. 228 квадратных метров ноль-ноль сантиметров. Понятно?

Еще бы не понятно! Раз не весь дом сдавался и даже не половина, а четвертушка, то какие уж тут разговоры. В розницу, по квартирам сдавать, конечно, легче, чем весь дом.

Я уезжал из Яйвы с легким сердцем, с радостью за новаторов, которые не дремлют. Я был настолько переполнен чувствами, что решил сообщить в Свердловске руководителям треста «Уралэнергострой», какой у них изобретательный представитель в Яйве.

Но в Свердловске меня разочаровали.

— При чем тут какие-то 228 метров? Вы уж нам отчетность не путайте. Вот письмо Малевинского от 2 апреля 1962 года, где сообщается о том, что в счет первого квартала будет оформлено 345 квадратных метров. А вот письмо председателя Александровского горисполкома тов. Лоскутова, подтверждающее суровую искренность тов. Малевинского. А премию в 300 рублей мы, думаете, за что начальнику дали?

Мистика началась снова, и снова я терзаюсь в поисках выхода и не нахожу его.

А как было бы просто, если бы я подошел к строителям и скромно сказал:

— Ах, как чудесен этот дом, построенный вами месяц назад! Как приятно видеть, что вы штукатурите оштукатуренные стены и настилаете уже настланные полы!

Впрочем, не лучше ли вообще помолчать? Ведь молчит же Александровский горком партии, не шелохнется прокуратура.

Помолчим же и мы, товарищи. Не будем нарушать непорочную яйвинскую тишину...

В. НАДЕИН,
специальный корреспондент Крокодила.

Пермская область.

Групповой портрет нарушителей дисциплины (лежат), а также секретаря комсомольской организации, председателя месткома, директора, парторга и зав. отделом кадров (стоят сложа руки).

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

РЕВИЗОР

— Что? Ревизор? — всполошился заведующий клубом Габбас.— Вот напасть! Ну, ладно. Спасибо за предупреждение! Не беспокойтесь, все будет в порядке. Встретим как надо!

Габбас повесил трубку и повернулся к уборщице:

— Слыхала?

— Чай не глухая!

— Так вот: берись за швабру! Да смотри у меня, чтобы ни одного беспризорного окурка!

Вызвали киномеханика. Прибежал заспанный, с опухшим лицом.

— Солнце в зените, а ты все дрыхнешь! — накинулся на него Габбас.— Погляди, что в кинобудке творится! Словно Мамай прошел!..

Отчитал и библиотекаршу:

— Не топчи книги! Выбрось эти желтые газеты! Почему валяется мышеловка? Заряди и поставь у норки. А что там торчит за печкой? Фотомонтаж? Вытащи сюда! Прошлогодний, говоришь? Неважно. Подотри малость — и дело с концом.

Вскоре Габбас инструктировал супругу:

— Гляди, жинка! Огурчиков там припаси... Человек все-таки из области...

Спустя час у клуба фыркнула машина. Послышался шум, смех, Габбас выглянул в окно и застыл в изумлении. На борту машины трепетала театральная афиша: «Н. В. Гоголь. Ревизор».

Вахит МАНАСЫПОВ

Открытие детской площадки

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ГОЛУБОЙ КИОСК

В голубеющем киоске,
Как знаток сердец,
Продает стихи и соски
Юркий продавец.

— Вот вам галстучек нехмурый,
С ландышем тетрадь.
Все, что нужно для культуры,
Можем вам продать!

Продавец отменно вежлив
И весьма румян.
Он давно в поселке здешнем
Выполняет план.

— Вот пластинки — джаз ростовский,
С видами альбом,
Вот Владимир Маяковский,
Вышитый крестом.

Пахнут Ялтою в квартире
Новые духи.
На открытках модный лирик
И его стихи.

А вокруг цветут цветочки,
Всюду чудный лоск.
И зовут культурной точкой
Голубой киоск.

СЛУЧАЙ В ШКОЛЕ

В сельской школе нас приветствовать
Шла девчурка лет восьми.
Листик дяденька ответственный
Сунул в руку ей: — Возьми...
И с минуты три начать она
Не могла, друзья, никак.
На машинке отпечатанный,
Лист дрожал в ее руках.

Покраснела: — Вы, писатели,
Вы должны нас отражать...
Завздыхали «отражатели»,
Стал листок сильней дрожать.

Тут язык сломаешь фразами!
Закружилась голова.
Стал ей дяденька подсказывать
Очень трудные слова.

О ученых фраз образчики!
О бессмертный протокол!
Не девчурке, а подсказчику
Я влепил бы жирный кол.

АВТОМАГ

Дожнвя до седин,
Курочкин упитан.
— Мы живем в век машин! —
Часто говорит он.

Он не бог, не завмаг,
Не чужой нахлебник.
Петр Ильич автомаг,
Деловой волшебник.

Бьет в упор Петр Ильич,
Не петляет долго:
— Что вам снится: «Москвич»
Или, скажем, «Волга»?

Взмах руки — и олень
С «Волгой» к вам прискачет.
— Вам гараж? — Через день
И гараж маячит.

Взмах руки — вот где мощь!
До чего ж он ловок!
Любит Курочкин дождь,
Ливень сторублевок.

Гаражи, гаражи
Лепятся друг к другу,
И плывут барыши
Курочкину в руку.

Потребитель наших благ,
Всей страны нахлебник —
Вот он кто, автомаг,
Деловой волшебник.

Владимир ФЕДОРОВ

В. ВЕНЦОВ

ПОРТРЕТ ТКАЧИХИ

Директор краеведческого музея торжественно взмахнул рукой. Повинуясь этому сигналу, уборщица повернулась спиной к толпе и открыла дверь в зал, где разместилась выставка работ местных художников.

Директор подхватил под руку толстяка в лиловом костюме и обратился к зрителям:

— К нам, товарищи, приехал сам Арнольд Герасимович Крюк — критик областного масштаба. Он вам сейчас коротко охарактеризует некоторые полотна. Научит, так сказать, видеть... Вы, Арнольд Герасимович, займитесь, а я уж побегу: там, понимаете, у скелета верблюда череп отвалился... Товарищи посетители, еще одно замечаньице: на кресла не садитесь, они экспонатные!

Оставшись один на один с толпой, лиловый критик для начала прошелся перед развешанными на стене картинами. Затем он открыл рот и на минуту призадумался — точь-в-точь так, когда вспоминают, какое сегодня число. Наконец он указал карандашом на привлекшую его внимание картину и заговорил:

— Итак, перед нами портрет ткачихи. На первый взгляд это просто женщина. Но не торопитесь с выводами, товарищи. Цветовые пятна в сочетании с одухотворенностью сообщают портрету напряженную экспрессию...

— Чего он?

— Помолчи. Записывай лучше эти самые словечки, а дома в словаре поищем.

— Таким образом, ткачиха лишена банального академизма. Пестрым пульсирующим колоритом, собранностью контуров автор...— областной критик нагнулся к табличке — ...товарищ Пенкин, плотник ремстройконторы, сумел показать нам истинное величие души передовой работницы. Взгляд ее спроецирован в будущее. В глазах ткачихи отражается воля к новым трудовым свершениям. Кто она? Она человек нашего времени, нашего, сегодняшнего дня. Несмотря на кружевную пелерину и стыдливо... хм... обнаженные плечи, перед нами, товарищи, скромная...

В это время в зал с черепом верблюда под мышкой вошел директор музея. Бросив взгляд на картину, которую с жаром комментировал критик, он чертыхнулся и исчез.

— На полотне оживает духовный мир ткачихи, ее общественная деятельность,— продолжал тем временем упиваться критик.— Кто она? Профорг? Страхделегат? Председатель родительского комитета школы? Как бы то ни было, она...

— Вот она! — перебил речь лилового критика директор, вбегая в зал с новым полотном.— Не повесили! Табличку прикнопили, а ткачиху забыли. Подержите, молодой человек, молоток. Сейчас я мигом перевешу...

— Товарищ директор, а кто же это, которая висела?

— Ах, это не то! Это, знаете, портрет третьей жены фабриканта Сенькова, работы неизвестного мастера. Художественной ценности не представляет... Держим исключительно из-за красиво оформленной рамки... Теперь, товарищи посетители, Арнольд Герасимович расскажет вам о настоящем портрете Елкиной, передовой ткачихи. Слушайте, товарищи... Куда же вы?..

Жалобные стихи

В нашу редакцию пришла от т. Полоза жалоба о том, что на Керченском стеклотарном заводе его окружают проходимцы. Это письмо взволновало нас до глубины души. Два корреспондента Крокодила срочно выехали в Керчь. Да восторжествует справедливость!

Климентий Тихонович Полоз —
На вид шаблонный индивид:
Два уха, нос, нормальный голос,
Типично ест, стандартно спит...
И все ж в нем что-то нетипично,—
Недаром в Керчь со всех концов
Спешит народ увидеть лично
Его банальное лицо.

Как пламя в бочке керосина,
Растет о Полозе молва,
О нем узнала Украина,
С ним познакомилась Москва.
Толкуют с Полозом часами
Корреспонденты ста газет,
Спецкор журнала «Шейте сами»,
Собкор журнала «Санпривет»...

Хотите знать, кто он такой?
Не тенор, не многостаночник,
Не академик, не герой,
Не мореплаватель...
А склочник.

Он пишет больше, чем писатель,
Но не романы, а — в обком.
Что за комиссии, создатель,
Он создавал своим пером!
А он все пишет в сотни мест,
Так «полон злобы, полон мести»,
Что не работает, а ест
Тех, кто работает с ним вместе.

Проверив кучу лживых жалоб,
Хотим главбуха попросить:
Нам в Керчь поездку не мешало б
За счет сутяги оплатить.

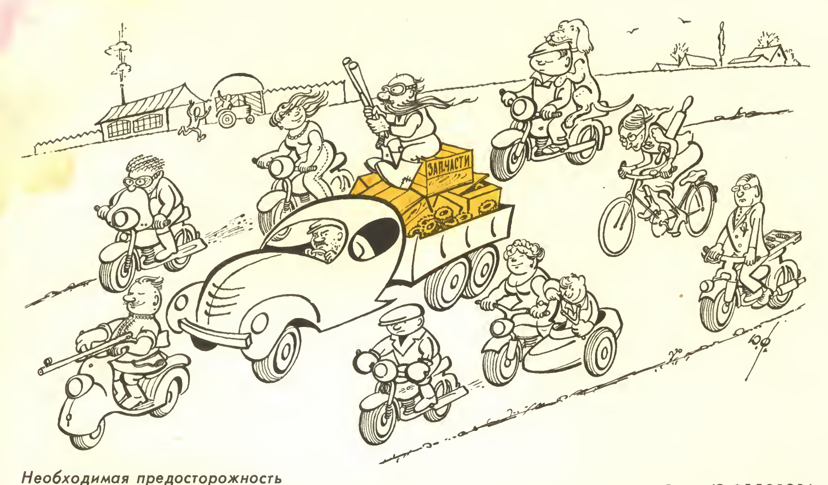
А. ВНУКОВ, Н. КНЯЗЕВ

ЗАБЛУДИЛСЯ

— Скажите, девушки, не вашим ли колхозом я руковожу?

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА, А. ЕЛИСЕЕВА

Необходимая предосторожность

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Около науки и вокруг техники

В ОТКРЫТУЮ ДВЕРЬ

Откровенно говоря, до сих пор мы об этом как-то не думали. Нам казалось, что курортникам питаться не обязательно. Хватит-де с них горного воздуха, нарзанных ванн, ласкового пляжа да шаловливых волн Черного моря! Возможно, мы, серые люди, так и погрязли бы в своем невежестве, если б нам вовремя не открыли глаза. Оказывается:

«*В деле организации лучшего отдыха трудящихся большая роль принадлежит торговым организациям. Они призваны бесперебойно снабжать отдыхающих и местное население продовольственными и непродовольственными товарами, а также организовать снабжение санаториев и домов отдыха продовольственными товарами*».

Вот ведь оно как хитро дело-то обстоит! Выходит, что на курортах существуют торговые организации. И не только существуют, но еще и должны торговать специально по-курортному. Ибо, как теперь наконец-то выяснилось, «*на курортах отдыхающие покупают преимущественно товары весенне-летнего сезона*», а вот «*спрос на мебель, стройматериалы, радиотовары, электротовары, меха со стороны отдыхающих практически отсутствует...*».

Потрясающие сведения! А мы-то по простоте душевной полагали, что курортник имеет обыкновение вывозить из Сочи или Сухуми диваны-кровати, кровельное железо или кроличьи шубы.

Теперь же все ясно. Курортника ничто такое на лучезарном юге не интересует. Хотя деньжата у него имеются. И поэтому торговым работникам рекомендовано: «*При планировании товарных ресурсов и розничного товарооборота исходить из особенностей розничного товарооборота курортных местностей и при обосновании планов более тщательно исчислять не только покупательные фонды населения, но и наличные денежные средства, привозимые курортниками...*».

Вот как мудро! Правда, трудно представить, как практически можно узнать, сколько курортник привез с собой денег. Хотя позвольте: можно ведь анкеты приезжающим раздавать. Или устный опрос устраивать. Или попросту карманы выворачивать. Словом, тут еще придется кое-что додумать.

Зато кое в чем другом — полная ясность. К примеру:

«*Характерной особенностью формирования ассортимента павильонов «Минеральные воды» на курортах является обязательное наличие всех видов минеральных вод, связанных со спецификой лечебного профиля данного курорта. Так, в Ессентуках, Пятигорске должна быть организована бесперебойная торговля минеральной водой «Ессентуки» № 4, № 17, № 20 и т. п.*».

До чего ж, братцы, тонко подмечено! Ну кто бы мог подумать! Не зря говорят, что все гениальное просто!

Вы, наверное, удивляетесь: чего это, мол, авторы ломятся в открытую торговую точку?

Так ведь это не мы ломимся. Это Роза Михайловна Сучкова, преподаватель Московского кооперативного института. И ломится не с пустыми руками, а с кандидатской диссертацией, из которой и почерпнуты все эти философические суждения о курортной торговле.

Диссертация так и называется: «Организация торговли в курортных местностях». Написана она на материалах работы курортов Сочи — Мацеста, а также Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков, Железноводска. А пробыл диссертант на этих курортах около года. А обошлось... Впрочем, это уже неинтересно. А если кого и заинтересует, то институт, вероятно, сможет дать точную справку.

Что же касается других справок, то мы их охотно дадим. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук защищалась 29 июня этого года в Ленинградском институте советской торговли имени Ф. Энгельса. Перед диссертантом стояла задача — изучить, обобщить опыт организации снабжения санаториев и рекомендовать пути ее совершенствования.

Что касается изучения и обобщения, то здесь ничего не скажешь: времени у диссертанта хватало. Вполне можно было самому стать закоренелым курортником. На себе лично и изучить и обобщить опыт организации снабжения. А вот насчет рекомендации «путей совершенствования» дело обстоит далеко не так блестяще.

Торговые работники — директора двух курортных магазинов—прямо заявили, что в этой диссертации слишком мало практических советов и дельных рекомендаций.

— Мало практических советов? — воскликнул на защите научный руководитель диссертанта доктор экономических наук профессор С. В. Серебряков.— Так это ж вовсе не грех! Я надеюсь, вы согласитесь со мной, уважаемые коллеги, что обилие практических советов не является украшением диссертации...

Вот так-то. Нечего практикам-эмпирикам совать нос в чистую курортную науку. Торгуйте себе потихоньку, а уж диссертацию о торговле напишут как-нибудь и без ваших советов.

И написали. И защитили. Четырнадцать членов ученого совета института проголосовали за присвоение Р. М. Сучковой звания кандидата экономических наук, пять человек голосовали против.

Мы, увы, не столпы торгового дела и даже не члены ученого совета и поэтому не можем в полной мере судить о всех достоинствах работы Р. М. Сучковой. Но как рядовые покупатели, ежедневно посещающие торговые точки, охотно присоединяем свои два голоса к пяти последним. Пусть их будет семь. А читатели, быть может, пополнят наши ряды...

В. ТЕРЕХИН, В. ФОТЕЕВ

Ленинград.

Легальный побег

В жизни гражданина Н., обитателя Алтайского края, приключилась неприятная история.

По селу пошли слухи о том, что он чересчур сблизился с женой односельчанина. Слухи же на селе, как известно, ползут на манер восьмимесячного сорванца, то есть и с визгом и гугуканьем. Визг был тем сильнее, что молва ссылалась на слова самого Н.

Оскорбленный муж от рукопашной сатисфакции отказался, так как явно не сходился с Н. в весовых категориях. Взамен он потребовал от супруги гласного опровержения. Та поневоле подала в суд заявление о клевете.

Н. к подобной акции отнесся одобрительно. Он правильно смекнул, что укрепление семьи должно быть выше интересов его неприкасаемости. Той же мыслью проникся и судья.

Из наилучших побуждений Н. встал на суде и со вздохом сказал:

— Виноват, нагородил напраслину по причине хмельной расслабленности.

Развал семьи был упрежден. Публика одобрительно покашливала.

Приступили к санкциям. А санкций было на выбор три: общественное порицание, либо штраф, либо полгода отбывания. И влепили ему за здорово живешь полгода тюрьмы. Тот поначалу даже одеревенел и лишь на пути следования заревел дурным голосом.

Этим лирическим введением мне хотелось, во-первых, подчеркнуть кремневую строгость алтайского правосудия, а во-вторых, воспользоваться им для сравнения участи Н. с судьбой взаправдашнего преступника.

Токарь Барнаульского моторного завода Александр Огнев для начала обчистил сарай. Обчистил удачно: не оставив следов.

Потом он прокрался в школу-интернат, вырезал замок и уволок два телевизора. Уволок квалифицированно, так что и с семью собаками найти не удалось.

Через пару недель удалец взломал дверь в школе № 42, похитил пневматическую винтовку и мелкокалиберный пистолет с патронами. На этот раз получилась осечка. Взломщик попался и предстал перед непреклонным судом. Но...

В свое время у нас появилось спасительное «но» в виде поручительства коллектива. Что же, разумно, гуманно! Ибо отличный производственник и даже общественник порою может споткнуться. А в падении он может нечаянно задеть прохожего или проломить головой раму в клубе. Вывести такого из-под удара сухого параграфа бесчувственной статьи — благое дело. Однако благо это кое-где стали распространять на личностей, которые падают сознательно и хватаются при этом за висячий магазинный замок или за дамскую сумочку.

Александр Огнев не был ни передовиком, ни тем более активистом. Совсем наоборот. В характеристике, представленной суду заводом, говорилось: «...недисциплинирован, уходит с работы раньше времени... неуживчив, пренебрежителен к старшим».

Тем не менее коллектив ремонтно-механического цеха решил взять Огнева на поруки, учитывая его молодость.

Парторг цеха Владимир Иванович Воеводский лично пожелал быть общественным защитником обвиняемого.

Однако суд поначалу заартачился. Возраст возрастом, но все-таки три кражи со взломом да еще с хищением оружия. Както жутковато отпускать с миром. А вдруг...

— Берем ответственность на себя! — как бы предугадывая течение мысли судьи, сказал Владимир Иванович.— Мы берем, то есть партийная, комсомольская, профсоюзная организации и вообще работники цеха.

Суд не склонялся.

Тогда в тюрьму самолично отправился тогдашний второй секретарь горкома комсомола Н. Молчанов. Путем визуального исследования он как-то сразу подметил глубину раскаяния Александра Огнева.

Суд заколебался.

И тут как раз подоспела бумага за подписью первого секретаря горкома комсомола А. Вшивкова. Очень убедительная бумага. С гарантийным заверением: «Мы (то есть горком.— **Ю. А.**) примем необходимые меры помощи и контроля по воспитательной работе комсомольской организации цеха и завода с Огневым». Весомо, авторитетно, конкретно!

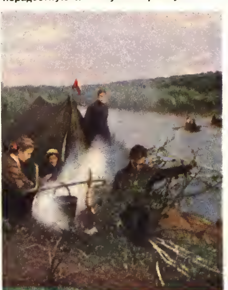
И, представьте, суд сдался. Сдался тот самый неприступно строгий суд, что упек даже простодушного гражданина Н.

И в тот же день Саша Огнев вышел из мест отбывания и зажмурился, предвкушая прелести домашнего обеда.

Огнева окружили заботой и даже лаской. В профилактических целях увеличили ему заработок. Прикрепили к нему на предмет воспитательного воздействия комсорга Зину Петрову. Сам секретарь заводского комитета комсомола Олег Гортз изволил неоднократно справляться по телефону у мамы Огнева о ходе перековки блудного сына.

А как насчет хвороста?

Министерство связи СССР выпустило недавно массовым тиражом такую жизнерадостную почтовую открытку:

Фотограф А. Становов назвал эту идиллическую картинку «Туристы на Оке». Из внимательного рассмотрения картинки проистекает, что туристу на Оке дозволяется ломать, рубить, крушить и жечь «зеленого друга», как только его широкая туристская натура пожелает. Так оно на самом деле или иначе, но эпизоды для съемки найдены вполне варварский; гибнут в костре молодые зеленые березки. Как будто не существует в природе хвороста и прочего валежника...

Руководители дирекции по изданию и экспедированию знаков почтовой оплаты утешили нас:

— Глядите, на снимке изображены какие-то там маленькие деревца. Вот если бы туристы валили, скажем, раскидистый, столетний дуб, тогда бы другое дело...

В связи с этим интересно было бы узнать, что именно варится у туристов в ведре. Если, скажем, десяток юных стерлядок, то это, с точки зрения руководителей вышеупомянутой дирекции, никакого значения не имеет. Вот если б они варили уху из кашалота — тогда, конечно, другое дело...

Итак, по линии поощрений все обстояло великолепно. Олег Гортз от полноты чувств даже подумывал сотворить об Огневе назидательный очерк «Перевоспитание методом поощрения».

А время шло. Первый поручитель, Н. Молчанов, стал заведовать гороно, другой, А. Вшивков, возглавил крайком комсомола. Масштаб, размах! Разве упомнишь о каких-то там поручительских гарантиях!

А Огнев между делом залез через окно в школу № 8, взломал дверь и обрел искомое — четыре мелкокалиберные винтовки и тысячу патронов. Он, конечно, не собирался открыть при заводе секцию ДОСААФ, а потому изготовил из винтовок обрезы. Один обрез он подарил приятелю по цеху Виктору Голубкову.

Пока пылкий Олег Гортз набрасывал черновичок очерка, Огнев и Голубков упражнялись в стрельбе.

Однажды после учебно-тренировочных упражнений по недвижущимся предметам приятели заглянули в школу рабочей молодежи. Когда им наскучило бродить по пустынным коридорам, герой предполагаемого очерка сделал пробный выстрел в окно.

Завуч Мария Федоровна Калугина попросила искателей приключений выйти на улицу. Те пустились в препирательство. Тогда Мария Федоровна препроводила буянов до вестибюля. Те нехотя вышли за дверь. Огнев с презрением глянул на приятеля: у тебя, мол, заряд-то целехонек! Виктор торопливо вытащил обрез и выстрелил через стеклянную дверь...

Немая сцена среди поручителей. Общее удивление и конфуз.

Вы ждете, конечно, образцово-показательного вывода: «Коллектив прозевал, не вовлек Сашу в турнир по стоклеточным шашкам, не заполнил его досуг отдельными поручениями».

Нет, Огнев должен получить свое без всяких скидок на отрешенность от шашечной доски. Но хочется сказать нечто другое. Можно и нужно брать стоящих того людей на поруки. Но нельзя превращать это в кампанейскую игру с коллективным выкриком «Сезам, откройся!» применительно к тюремным воротам.

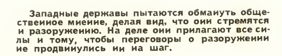
Поручительство — не акт безотносительного милосердия. Иначе вместо бумаг и петиций проще было бы передать тому же Огневу напильник, запрятанный в булку. Поручительство — это строго оправданное доверие к настоящему члену коллектива. Оно непременно должно возлагать персональную ответственность на каждого, кто бросил белый шар в пользу провинившегося. Те же Воеводский, Молчанов и Вшивков из христианского милосердия бросили не по шару, а по целому жернову. Бросили и едва не стали невольными соучастниками убийства преподавательницы.

Сила коллектива — большая сила. Она ломит не только соломушку, но и непреклонное правосудие. Приди она на помощь гражданину Н., ему не довелось бы почивать на нарах. Но, пользуясь силой неумеючи, недолго, как говорится, и наломать дров.

Значит, перед тем как брать человека на поруки, надо подумать немножко больше, чем при пожертвовании на общество друзей безвредных насекомых. И уж во всяком случае ни под каким благородным соусом не следует превращать поручительство в хорошо организованный легальный побег.

Ю. АЛЕКСЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Алтайский край.

Западные державы пытаются обмануть общественное мнение, делая вид, что они стремятся к разоружению. На деле они прилагают все силы к тому, чтобы переговоры о разоружении не продвинулись ни на шаг.

Выбивается из сил

Рисунок И. СЫЧЕВА

Темные очки западной дипломатии

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Английские власти усиливают репрессии против сторонников мира, используя при этом опыт заокеанских маккартистов.

Передача опыта

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

Эрик ЛИПИНСКИЙ

Конечно, по части широкой известности карикатуристу нелегко тягаться с прославленным космонавтом, знаменитым сталеваром или сверкающей кинозвездой. Тем приятнее, что кое-кому из нашего брата сатирика все же удается выйти на орбиту популярности.

Если вы захотите написать письмо в Варшаву Эрику Липинскому, то пожалуйста, мы дадим вам точный адрес. Вот он: «Варшава, Э. Липинскому». И это не означает, что художника хорошо знают только варшавские почтальоны. Один из основателей сатирического журнала «Шпильки», существующего вот уже скоро три десятилетия, Липинский является и по сей день не только главным художником этого еженедельника, но и частым гостем на страницах многих других польских газет и журналов.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателя пародийные варианты «Моны Лизы» в исполнении Эрика Липинского. Эту галерею можно назвать так: «Что получилось бы, если бы Джоконду писал не Леонардо да Винчи, а, например...»

Эрик Липинский заверил нас, что разрешение на эти пародии он получил в свое время от самой Джоконды.

Жан Эффель
(ФРАНЦИЯ)

Стенберг
(США)

Ха-Га
(ПОЛЬША)

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ

ЖЕРТВА РЕКЛАМЫ

Как-то на днях я увидел на улице плакат с надписью «Фрукты мой перед едой!».

«Что и говорить! — подумал я.— Очень верное замечание».

Я был склонен тотчас же последовать совету, но под рукой не оказалось фруктов, я не мог их помыть.

В ближайшем магазине я купил яблоко и случайно прочитал лозунг, висевший на стене: «Прежде чем приступить к принятию пищи, вымой руки!».

«Удачно складывается,— подумал я, направляясь домой,— одним махом вымою и то и другое».

Так оно началось.

Поднимаясь в лифте, я заметил листовку, приклеенную к зеркалу. Она гласила: «Пей молоко только кипяченое!».

Я спустился обратно, чтобы купить молоко. Вскипятил его. Вымыл руки. Помыл яблоко. Весьма довольный собой, съел яблоко, запил молоком и решил, что дело, в общем, улажено. Увы, я ошибся.

Наутро я чувствовал себя весьма неважно. Беда никогда не приходит одна, и в кафе я прочитал плакат: «Поднимай свою квалификацию!».

Я немедленно приступил к поднятию квалификации, но часом позже воззвание: «Уничтожай вредителей наших лесов!»,— напечатанное на спичечной коробке, окончательно нарушило мой покой. Отправившись в лес на электричке, я заметил плакат, висевший в помещении вокзала: «Познай родной край!».

Все новые и новые задания сваливались на меня.

«Ну, что ж,— подумал я,— уничтожая лесных вредителей, я одновременно буду познавать родной край. Таким образом, я сберегу время и силы».

Через некоторое время лесник выставил меня из леса. Как видно, он считал, что все вредители уже истреблены. Не знаю почему, он велел мне заплатить штраф. Опечаленный, я возвратился в город. К счастью, меня вновь ободрила надпись: «Будь мужчиной!».

«Да,— подумал я,— надо быть мужчиной, возражать не приходится».

Но тут, как гром с ясного неба, на меня свалилось новое задание: «Корми грудью!».

«Это уж чересчур! — подумал я.— Нельзя требовать от человека слишком многого».

Я возвратился домой и, пробуя собраться с мыслями, в задумчивости включил радио. Это был опрометчивый шаг.

— Экономь электрическую энергию в часы «пик»!—сказал кто-то сурово.

Я выключил радио, погасил электричество и при свете свечи приступил к чтению газеты. Первое, что мне попалось на глаза, был лозунг, помещенный на видном месте: «Поднимай противопожарную безопасность!».

Я поспешил потушить свечу и благодаря этому спокойно провел остаток вечера.

На следующий день утром мне в глаза бросился плакат «Храни деньги в сберкассе!». Так как после уплаты штрафа леснику мое материальное положение оставляло желать лучшего, я не сумел выполнить это задание. На мгновение передо мной блеснула надежда в образе листовки, которую раздавали на Маршалковской улице какие-то энтузиасты. Там было сказано: «Откармливая поросят зимой, ты поднимешь свои доходы».

Я стал присматривать себе поросенка. Напрасные усилия! Когда, окончательно растерявшись, я чуть не попал под автобус, предо мной промелькнул плакат «Выполняй правила уличного движения!».

Я отскочил на тротуар, не зная, с чего начать.

Избавление пришло неожиданно. Я собрал афиши, плакаты, листовки, коробки от спичек и папирос и с чувством огромного облегчения отнес все это в пункт сбора утильсырья. Меня натолкнула на это папиросная коробка с надписью «Сдавай макулатуру!».

Ядвига РУТКОВСКАЯ

БЕЗ ПЕРСПЕКТИВ

Из окна кабинета было видно все здание большого учреждения. У этого окна Пазуркевич чувствовал себя, как астроном в обсерватории: он открывал тайны чужих миров. Он даже пользовался подзорной трубой. Правда, не новой конструкции.

Пазуркевич всем существом отдавался наблюдениям. Постепенно это занятие стало предметом его настоящей страсти.

Впрочем, со временем простое созерцание перестало его удовлетворять. Он почувствовал, что обязан поделиться добытыми сведениями с другими.

В отдел кадров большого учреждения стали поступать письма:

«В комнатах на третьем этаже (центральное окно), а также на четвертом этаже (окно возле колонны) служащие в рабочее время читают газеты. И, что печальнее всего, весьма выразительно комментируют напечатанные в них сообщения, миминой и жестами показывая свое отрицательное отношение к нашей современности. В этой некрасивой деятельности активно участвуют высокий блондин в пепельном свитере и низкий лысый брюнет в пенсне (особая примета: на все машет рукой).

Старательный».

«На втором этаже, прямо над воротами, три пожилые женщины, работающие в этой комнате, беспрерывно тратят время на поливку цветов

Березовская
(ПОЛЬША)

Пикассо
(ФРАНЦИЯ)

Дюбу
(ФРАНЦИЯ)

в горшках. Было замечено также, что в годовщину революции одна из них (низкая, полная) повесила над дверями какие-то картины явно религиозного содержания (несмотря на то, что окно это находится на большом удалении от моего, утверждаю с полной ответственностью, что картины эти не имели ничего общего с портретами передовиков нашей организации). Эта же служащая, прежде чем войти в соседнюю комнату (видимо, к начальнику), прислушивается и даже осеняет себя крестным знамением.

Старательный».

«Скандал на пятом этаже, третье окно слева! Служащий в темном костюме, блондин среднего роста (особая примета: часто расчесывает волосы пальцами), самым бесстыдным образом убивает время и не видит, как его подчиненные получают от посетителей взятки в виде красных роз. Пора покончить с гнилью!

Старательный».

Начальник отдела кадров большого учреждения, который был известен своей уравновешенностью, на этот раз возмутился. Он вызвал к себе машинистку и, нервно расчесывая волосы пальцами, со всей остротой указал ей на неподобающее поведение.

— Это тебе старая идиотка Маевская накапала! — закричала недисциплинированная подчиненная.

— Нет, пришло письмо от «Старательного» за порядковым номером 313. Но не в этом дело. Кто тебе подарил цветы, говори! — закричал начальник отдела кадров.

— Тот, кто умеет ухаживать красивее, чем ты! — сквозь слезы воскликнула машинистка. И, погрозив кулаком окну напротив, добавила:— Мерзкий доносчик! Чтоб тебя...

* * *

Чего женщина хочет, то и черту мило. А иногда даже директору.

Пазуркевич, наслаждаясь ежедневным писанием своих сообщений, снискал себе признание у начальства.

— Что за прилежание! — восхищался начальник на общем собрании.— Какой старательный работник! Он не разгуливает по другим комнатам, как некоторые, не заходит поболтать... В одиночестве он сидит у окошка в своей маленькой темной конуре, и когда к нему ни войдешь, пишет и пишет не покладая рук. Я решительно за то, чтобы повысить его в должности. Это пример для всего учреждения.

Старательный Пазуркевич получил повышение: должность заведующего отделом и кабинет в другой части здания.

Усевшись за новый письменный стол и по обыкновению посмотрев в окно, он почувствовал себя человеком окончательно погибшим.

Окно нового кабинета выходило на обширный красный сквер.

Иоанна **ВИЛИНСКАЯ**

МЕЧТА

Сначала была мечта. Вот какая...

Иду я по улице, и вдруг — пожар. Огонь. Шум. Толпа. Кричат: «Горит!» — пальцами показывают на окно.

Вон на то окно — пятый этаж, третье слева. А в окне лицо. Ну, я без колебания — вверх по лестнице. А лестница подо мной уже пылает. Надежда придает мне силы. Выламываю дверь. Есть!

Он лежит возле окна. Еле дышит. Я хватаю его в охапку — и вниз по лестнице.

Крики:

— Герой! Герой!..

А я с волосами, пропахшими дымом, в тлеющем пиджаке выношу на руках начальника жилищного отдела. Он открывает глаза и спрашивает:

— Чем я могу вас отблагодарить?

— Пустяки,— говорю я,— не стоит благодарности.

Но он настаивает.

Тогда я деликатно намекаю: мол, жилищные условия не очень... Он жмет мне руку, и мы долго сердечно смотрим друг другу в глаза.

Однако мечта мечтой, а вот какова действительность.

Дом, где живет начальник жилищного отдела, пока стоит и стоит, а пожара не видно. Напротив же этого дома, между прочим, школа.

— Нате вам,— говорю,— деточки, по два злотых на спичечки. Купите себе, деточки, спичечки. Побалуйтесь возле вон того дома.

Каждую неделю даю им по два злотых. А дом стоит и стоит. Они за мои два злотых себе мороженое покупают. Что за молодежь теперь пошла! А на спичечных этикетках пишут: «Ребенок + спички = пожар».

Между тем я все хожу по этой улице, прогуливаюсь. Жду...

И вот однажды я иду и слышу — пожарная сирена! Пожар!

Я по лестнице наверх. Пятый этаж. Звоню. Начальник жилищного отдела открывает. Я хватаю его на руки. Но тут внезапно появляется какой-то тип. Отвратительная морда! Отталкивает меня и выхватывает начальника. Начальник кричит, как видно, хочет, чтобы его нес я. Тогда я отпихиваю нахала, и начальник уже у меня на руках. Но тип не уступает, упрямый черт! Подставляет мне подножку и вырывает начальника. Я вырываю обратно, а он опять вырывает его у меня. В результате, конечно, мы начальника немножко повредили. А тем временем подоспели пожарные. Оказывается, просто сажа в дымоходе загорелась...

Вот что получается, когда мечты у разных людей совпадают.

Перевел с польского **Н. ЛАБКОВСКИЙ**.

— Ну, если и тут не клюнет, дома совсем заклюют...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Асен БОСЕВ

Редкий мальчик

Дядя Христо
В изумленье
Со вчерашнего утра:
Он племянника Младена
Встретил в городе вчера.
Шепчет дядюшка соседке:
— Мальчик очень, очень
редкий.
Но никто
Понять не в силах,
Что его так удивило.
Любопытствуют крестьяне:
— Чем же редкий
Твой племянник?
Объясни нам бога ради!
— Он сказал мне:
«Здравствуй, дядя...»

Перевел с болгарского
В. ВИКТОРОВ.

КИРПИЧИНА С КИРПИЧИНОЙ ГОВОРИТ...

Одну из передач редакция пропаганды и агитации Красноярского радио решила посвятить женщинам. Издавна считается хорошим тоном обращаться к представительницам прекрасного пола в стихах. Посему, чтобы не ударить лицом в грязь, поэту В. Рудакову было поручено составить стихотворный конферанс. Он начинался так:

Вы живете со мною в России,
Вы идете со мною в пути.
Потому я хотел бы красивый
Вам венок из поэмы сплести.

Это было не пустое обещание. В. Рудаков продолжает плести душистый венок:

Что там говорить, бывает
Средь вас такое иногда,
Когда кокетливо скрывает
Женщина свои года.
Но вы не будете в обиде? Нет?
Сегодня мы пошлем вам свой
привет
За то, что очень много лет
Вы так заботливо лечили нас,
За то, что очень любят люди вас.

Не правда ли, В. Рудакову нельзя отказать в деликатности? Чувствуя, что его произведение могут понять не сразу, он предупредительно спрашивает женщину: «Но вы не будете в обиде?» И лишь после этого пускается в дальнейший путь.

Надо отдать также справедливость редакторам Красноярского радио: они были великодушны к слушателям и время от времени перемежали стихи прозой. Зато после этой передышки они становились беспощадны, и в эфире звучало:

Сильная, ловкая, нежная, статная,
Парень мимо такой не пройдет,
Только в труде беззаветная,
жадная,
Слышишь?
Стена вырастает, поет.
И кирпичина с другой
кирпичиною
Словно ведет разговор-шепотом,
Ныне девчину назвал
молодчиною
Мастер,
В работницах знающий толк...

Пусть бы эти кирпичины и вели разговор шепотком. Но зачем их голос транслировать на весь Красноярский край?

Ю ДОЛГОПЯТОВ

Нет и не будет

Гаврилов быстро ходил по комнате. Он потер лоб и нервно спросил:

— Что с двенадцатым?

— Кончился,— мрачно сказала женщина, бешено выстукивавшая что-то на машинке.

— По 197 ничего не слышно?

— Нет. И не будет. Сто девяносто четвертого тоже не будет.

Резко зазвонил телефон.

— Хэллоу,— замогильно сказал Гаврилов в трубку.— Нету сто семнадцатого...

— Пишите! — скомандовал Гаврилов и начал диктовать текст послания.

«Лен. ТЭУ ВЦСПС для реализации на 1962 г. путевок по маршрутам 10, 11, 12, 117, 194, 195, 196, 197 не получило. В связи с этим предоставить путевку не имеем возможности; для приобретения путевки вам следует обращаться в свои областные (республиканские) ТЭУ или обкомы профсоюза, через которые распределяются все путевки на вышеуказанные маршруты.

Начальник Лен. обл. ТЭУ П. Гаврилов».

Правда, удобно? Пикантно, свежо, загадочно. А то возись, отвечай на письма. Рутина! Захотел человек приобщиться к рюкзаку, окунуть свои туристские телеса в Ладогу, так пусть прежде поломает голову, какой его маршрут — 11-й или 12-й. А потом ушат ледяной воды: путевок нет и не будет...

— Написали? — зловеще спросил секретаршу П. Гаврилов.— Отпечатайте типографским способом в количестве 5 тысяч. Вот вам факсимиле, ставьте мою подпись сами!

В. М.

М. ЗАХАРОВ

РАДОСТНОЕ СОБЫТИЕ

Вероятно, он поссорился с женой и поэтому выглядел хмурым. Мне даже показалось, что он готов заплакать.

— Виктор,— сказал я ему,— не расстраивайся! Хочешь, я помогу тебе?

— Ерунда! — отмахнулся он испуганно.— Ты только не вмешивайся! Все обойдется. Мелкие домашние неприятности.

— Нет, не обойдется! — сказал я.— Мелочи в нашей жизни подчас играют весьма значительную роль...

В обеденный перерыв я уже сидел против его очаровательной супруги.

— Ваш муж,— сказал я,— редкой души человек. Например, наша лаборантка Ася прямо так и говорит: «Только и думаю о нем! Какой парень!..» Представьте, до сих пор не может его забыть!..

— Вот как?! — побледнев, сказала супруга Виктора.— Я ничего не знаю об этом.

— Вы думаете, я что-нибудь знаю об этом? — пошутил я.

— Скажите мне честно: что у них было? — потребовала она и прикусила нижнюю губу.

— Напрасно вы плачете! — сказал я весело.— Сейчас мне трудно сказать что-либо, но я постараюсь узнать...

— Ася! — сказал я, войдя через двадцать минут в ее лабораторию.— Меня попросили узнать, что у вас было с Виктором.

— Мы проводили вместе серию экспериментов с радиоактивным магнием,— ответила Ася.— Честно говоря, я до сих пор восхищена смелостью его исследования. Удивительный человек!.. А почему вас это интересует?

— Меня попросила узнать об этом его жена. Я оставил ее в слезах. Она решила, что у вас...

— Это гнусная сплетня! — крикнула Ася, и голос ее дрогнул.

— Напрасно вы плачете! — сказал я весело.— Это — просто смешное недоразумение!

Стены лаборатории сотряслись от ее рыданий.

— Подождите минуточку,— сказал я,— сейчас мы все уладим!..

Выбежав в коридор, я столкнулся с Ольгой Сергеевной, ответственной за культмассовый сектор нашего месткома...

— Местный комитет своим влиянием должен убедить супругу Виктора в невиновности Аси! — коротко резюмировал я.— Помните, когда кто-то сказал, что у вас был роман с нашим профоргом, мы сразу же приняли энергичные меры.

— Какие меры? Какой роман? — тихо спросила Ольга Сергеевна и ухватилась рукой за косяк двери.

— Роман был ваш, а меры принял я!

Она бросилась по коридору, но я быстро догнал ее. Некоторое время мы бежали рядом.

— Не надо плакать! — весело крикнул я.— Сейчас мы найдем профорга и все уладим!

Через секунду я уже был в буфете.

— Товарищи! — крикнул я, вскочив на свободный стул.— Где наш профорг?

В буфете воцарилась мертвая тишина.

— Товарищи! Ничего особенного не произошло! — успокоил я бледных сотрудников, отодвинувших сосиски.— Просто жена Виктора решила, что он изменяет ей с Асей.

— Что с Асей? — крикнул ее муж, доцент Голубовский, и уронил стакан с недопитым чаем.

— Бьется в истерике,— ответил я как можно веселее.— Наверное, там же и Ольга Сергеевна, с ней тоже неладно...

Толпа взволнованных людей устремилась по коридору. В общей сутолоке я с трудом остановил нашего профорга.

— Дело усугубляется тем,— тихо сказал я ему на ухо,— что Ольга Сергеевна, когда я напомнил ей о вашем с ней романе, показалась мне совершенно невменяемой. Необходимо срочно собрать общее собрание и распутать этот узел!

— Да как вам...— начал было профорг, но голос его задрожал, и он глухо закашлял.

— Не надо плакать! — весело сказал я.— Это же недоразумение! Если у вас не хватит сил, обещаю вам довести это дело до конца!

Через секунду мы оба стояли в кабинете директора.

— Дело осложняется тем,— пояснил я директору,— что муж Аси, доцент Голубовский, не дослушал меня до конца. Необходимо действовать, Игнат Аполлинариевич! Вот и профорг наш, я думаю, того же мнения, поскольку Ольга Сергеевна была с ним в свое время...

Не дав мне закончить фразу, Игнат Аполлинариевич издал странный гортанный звук и что есть силы ударил кулаком по столу. Его зрачки сузились, и из левого глаза медленно покатилась большая мутная слеза.

— Не надо плакать, Игнат Аполлинариевич! — сказал я весело.— Хотите, я лично возьмусь за это дело? Надо же довести его до конца!

После этих слов профорг упал в кресло и зарыдал в голос. Чувство горького протеста заполнило мою душу. Дрожащей рукой я обмакнул перо и положил перед директором заявление об уходе. Тотчас же лицо директора озарила ликующая улыбка. Слизнув со щеки мутную слезу и прижав заявление к сердцу, как шестнадцатилетняя влюбленная школьница, на цыпочках, улыбающийся и счастливый, бросился он к профоргу. Глотая слезы, профорг осыпал мое заявление судорожными поцелуями.

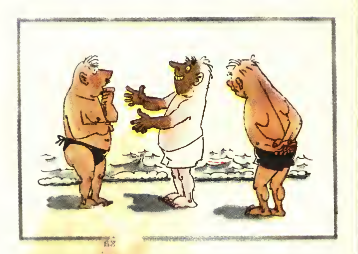
ПОД ЮЖНЫМ СОЛНЦЕМ...

— Пробыл в отпуску только полсрока. Отозвали...

— Удивляюсь, целый день загораю, а загара нет...

— Почему у вас такой странный загар?

— Профессиональный. Работаю в киоске «Пиво-воды».

Рисунки Д. БЕЛОВА

— Голосуй за Петра Иваныча: может, премию подбросит.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Самиг АБДУКАХХАР

Что делают из молока?

Спросил однажды
муаллим ученика:
— Ответь, Усар,
что делают из молока?
— Из молока? — сказал Усар.—
Творог и сыр,
и масло делают,
и сливки, и кефир...
— Садись. Ты знаешь все,
что делают из молока.
Вдруг видит муаллим,
что поднята рука.
— Ты что-нибудь
добавить хочешь нам, Камал?
— Да, муаллим,
Усар не все сказал.
Еще из молока
приготовляется вода,
такая белая...
— Ну что за ерунда!
Обиделся Камал.
— Какая ерунда?
Торгует тетка Мукаррам
такой водой всегда...

Перевел с узбекского Мих. ПРУГЕР.

Ясон ГЕРСАМИЯ

ХОРОШИЙ ЗНАКОМЫЙ

Иду по проспекту Руставели. Смотрю на нарядные витрины, на пеструю толпу. Настроение праздничное. Работа окончена, скоро буду дома, где ждет меня субботний обед.

Иду, думаю про все это и вдруг...

— А ну-ка, отгадай, кто я?— басит кто-то над моим ухом и закрывает мне глаза потными руками.

— Доменти!

— Эх ты, дурень!

— Кириле!

— Эх ты, дурень!.

— Апрасион!

— Эх ты, дурень!

— Нестор!

— Ау!.. Да ты свихнулся, что ли?!

— А все же кто ты такой?— полюбопытствовал я.

— Датико я, дурень, Датико!..— ответил он со смехом и выпустил меня из объятий.

Оглянулся: передо мной стоял совершенно незнакомый человек.

— Не узнал меня, Мишико? Гы-гы,— ржал он.— Ведь сознайся, не узнал? Гы-гы-гы...

— Меня зовут Ясон!

— Изменил имя?!

— Нет, меня всегда звали Ясоном.

— Ладно... А меня все-таки не узнал?

— Нет, не узнал.

— А ты не помнишь, как три года назад, когда мы вышли из городской прокуратуры, твой заместитель повел нас в ресторан «Дарьял». В тот вечер ты был тамадой, милый мой Ясон...

— А-а-а!..— наконец вспомнил я.— Здравствуйте, здравствуйте!

— Слава богу, что узнал... Здравствуй. Что делаешь, как живешь?..

Датико взял меня под руку и повел к площади.

Когда мы проходили мимо ресторана «Тбилиси», Датико предложил:

— Зашли бы, а? Чокнулись бы разочек...

Я тоже был не прочь: от ходьбы разыгрался аппетит, от разговора пересохло горло.

Сели за стол. Подошел официант.

— Что пожелаете?

— А что у вас есть? — осведомился Датико.

— Все!

— Неси все! И четыре бутылки «Гурджаани».

Через полчаса весь стол был уставлен тарелками. Датико наполнил бокал и начал:

— Бог так создал человека, мой Бикенти, что...

— ...Меня зовут Ясон,— напомнил я.

— ...Мой Ясон, что... понимаешь, человек человеку — брат, друг, родня, крестник... и все такое, генацвале! Этот маленький бокал я поднимаю с большим чувством. Я пью за наших защитников, за скромных работников прокуратуры. В очистительной сфере прокурорских расследований ты, уважаемый Ясон... м-м-м... подкинь-ка свое отчество...— попросил Датико.

— ...Евграфович, — подкинул я.

— ...За твое здоровье, Ясон Евграфович! Да поможет тебе бог! Живи и работай до тех пор, пока не надоест тебе твоя непорочная служба в прокуратуре...— так кончил свой затянувшийся тост Датико, осушил бокал до последней капельки, вытер рукой рот, подошел ко мне, схватил меня за уши и чмокнул в губы.

Я был ошеломлен. А Датико уже снова поднял бокал.

— Одна просьба есть к тебе, дорогой Ясон... Видишь ли, пристал ко мне один человек. Аферист бессовестный! Такой мстительный, такой мстительный... Почему работаешь в артели, говорит, почему хорошо живешь, почему каждый день обедаешь... и... и... одним словом, в вашей прокуратуре сейчас лежит мое дело...

— В какой прокуратуре? — удивился я.

— Как будто не знаешь, в какой... в городской прокуратуре, у тебя...

— Я, уважаемый Датико, уже четыре года, как там не работаю. В другое место меня перевели...

Датико изменился в лице. По щекам пошли пятна, отчего лицо стало похожим на грязную скатерть нашего стола.

— Что с тобой, Датико?! — воскликнул я в тревоге.

— Ничего, ничего, кусок застрял в горле. Мясо, наверное, было замороженным... Приду сию минуточку...

Датико вышел из-за стола.

Прошла минута, прошел час, два, три...

— Тридцать рублей сорок копеек,— сказал официант и положил передо мной счет.

— Что?! — удивился я.

— А вы все еще не собираетесь уходить?! — спросил официант.

Я окинул взглядом зал. Он был пуст. Я не заметил даже, как уборщицы положили стулья на столы.

Мне пришлось покорно отдать деньги и направиться к выходу.

На улице меня кто-то окликнул:

— Ясону привет! Привет Ясону!

Оглянулся. Передо мной старый друг.

— Что делаешь? Как живешь? Когда приехал?..— начал он расспрашивать. После того, как я ответил на все вопросы такого рода, он как бы между прочим поинтересовался:

— ...Где работаешь?

— Не работаю я в прокуратуре!—со злостью ответил я и бросился от друга в ближайшую калитку.

Перевел с грузинского В. КУГОТОВ.

АРИФМЕТИКА ТУНЕЯДЦА

Внешне Наталия Александровна Боброва ничем особеним не отличается. Все у нее обыкновенное. Даже профессия. Двадцать лет учит она ребятишек читать, а также решать задачки в пределах двухзначных цифр. Живет Наталия Александровна с двумя дочерьми на скромную зарплату учительницы младших классов плюс сорок рублей алиментов от бывшего мужа на содержание детей.

Но все это анкетные данные. А вот призвание у нее оригинальное. После занятий в школе № 56 у Наталии Александровны начинается другой, настоящий рабочий день. Считает до десяти она только в школе, а дома, вернее, в домах (ибо за день обходит не одну квартиру), как правило, оперирует четырехзначными цифрами.

Боброва любит ходить в гости туда, где ее совсем не жаждут видеть.

Приходит, к примеру, в квартиру гражданки В. И. Саенко и бесцеремонно усаживается у стола.

— Сколько я еще буду ждать? — властно спрашивает она.

— Отсрочьте, пожалуйста, на несколько дней,— умоляет хозяйка квартиры.— Вот продам некоторые вещички и рассчитаюсь. Или возьмите еще и эти вещи в залог.

— Вещи сейчас дешевеют, а деньги — это деньги,— сплеча рубит гостья.

— Верно, вещи дешевеют, а ваши проценты, Наталия Александровна, не снижаются,— осторожно замечает Саенко.— Я же двла вам в счет процентов золотую брошь с жемчужиной.

— Брошь — ерунда. За нее дают чепуху.

Гостья обшаривает квартиру глазами, пренебрежительно берет под мышку плюшевое покрывало и ковровую скатерть и захлопывает за собой дверь.

«Так это же ростовщичество!» — догадается читатель. Да, Наталия Александровна уже давно успешно совмещает педагогическую работу с деятельностью ростовщицы. Всякий может получить у нее взаймы деньги при условии, что будет платить ежемесячно десять процентов от взятой суммы. Если вы взяли у нее сто рублей, то через десять месяцев извольте отдать двести. А чтобы дело узаконить и обеспечить возврат займа, современный Гобсек в юбке поведет вас к нотариусу, где вы и подпишете договор займа на... двести рублей. Госпошлину оплатите из тех же занятых ста рублей.

Если Боброва не совсем уверена в вашей платежеспособности, придется отдать ей в залог пожитки с учетом, что за срок контракта они подешевеют, то есть стоимость вещей должна быть больше полученных денег.

Вот и вся нехитрая арифметика современного ростовщика. Ясная и кабальная. Упомянутой гражданкс Саенко она дала 285 рублей, а договор займа с учетом процентов оформила на 400.

В кабалу к ростовщице нередко попадают люди, случайно оказавшиеся в затруднительном положении. Гражданка Г. И. Строженко заняла у нее 200 рублей, а через четыре месяца возвратила 280. Второй раз заняла на десять месяцев 300 рублей, а выплатила с учетом процентов и отданного в залог имущества 670. Гражданка А. П. Колесник заняла 450, а через шесть месяцев возвратила 600 рублей.

Работники милиции г. Львова с успехом продолжали розыски должников Наталии Александровны, и список их рос. Пригласили наконец и саму заимодательницу.

— Придется вам, гражданка, объяснить, как это вам удалось возродить ремесло ростовщика. Ведь вы уже «настригли» семь тысяч рублей,— сказали Бобровой.— Это еще без золотых вещей и «Победы», которую вы купили бывшему мужу.

Наталия Александровна оробела и нерешительно предложила:

— Пусть половина всего будет ваша. Берите без процентов, и разойдемся без шума.

Но, увидев взгляд собеседника в форме, опустила голову и зашагала в камеру предварительного заключения.

Если бы Наталия Александровна читала не только расписки своих должников, а и новый уголовный кодекс, она бы, конечно, не растерялась. Ведь в новом уголовном кодексе наказания ростовщикам не предусмотрено!

Вот почему, когда работники милиции попросили в прокуратуре санкцию на привлечение ее к уголовной ответственности, оттуда посоветовали:

— Нельзя! Оставьте Боброву в покое и возвратите «настриженное».

После этого Наталия Александровна смело ринулась в атаку на милицию.

— Отдавайте мое кровное! — стучит она по столу.— И не забывайте читать законы.

Вот и получается: с одной стороны, не винить же составителей нового уголовного кодекса в том, что они не предвидели появления в наше время ростовщиков и не определили соответствующей статьи. Однако не приходится винить и работников милиции, осмелившихся подсчитать нетрудовые доходы Бобровой! Они выполнили свой долг.

С другой стороны, есть и другой кодекс — моральный кодекс! И он дает полное право отнести Боброву к числу жуликов и тунеядцев.

Ал. МЕЛЬНИК.

(Из газеты «Львовская правда»).

— Сэр, не продадите ли рубашку?
— Молодой человек, я ее сам купил в этом магазине.

Рисунок Б. САВКОВА

Р. КИРЕЕВ

Подвиг Робинзона

Я думаю,
что было бы резонно
Нам вспоминать почаще Робинзона.
Я подвиг славный ощущаю остро;
В восторге от него.
Я покорен
Не тем,
что необжитый, дикий остров
Сумел обжитым сделать Робинзон,
Не тем,
что не терял к труду охоту
И Пятницу воспитывал в труде,
Не тем,
что расширял объем работы
Он каждый год,
вернее, каждый день,
Не тем, что он,
борясь с природой стойко,
Посевы увеличивал, постройки,
Не тем,
что ни зимою и ни летом
Не допускал,
чтоб в чем-то был провал.
А тем я восхищаюсь,
что при этом
Он штаты никогда не раздувал!

г. Евпатория.

ЛЮБИТЕЛИ ИЗЛИШЕСТВ...

Вы, вероятно, встречались с ними, дорогие читатели? С директорами заводов, набравшими столько оборудования, что его хватило бы на добрый десяток предприятий... С начальниками, раздувшими штаты... С архитекторами, по проекту которых возводятся жилые дома с десятком монументальных колонн?..

Конечно, вы встречались с ними, дорогие читатели! Возмущались их расточительством, писали о поступках этих людей в редакцию.

За последнее время с помощью читателей Крокодилу удалось обнаружить немало новых любителей излишеств, причем любителей-оригиналов.

Правление колхоза имени Калинина, Краснодарского края, оказалось, например, ярым поборником спортивных излишеств. О его увлечении строительством стадиона и футболом рассказывалось в фельетоне «Шумит стадион...» (Крокодил № 14.) Незадачливые руководители колхоза возвели спортивные сооружения, а ясли выстроить запамятовали. Они так увлеклись футболом и своею станичной командой, что махнули рукой и на кукурузу и на сахарную свеклу. Что там кукуруза! Она у всех есть. А вот собственных футболистов, сплошь получающих из колхозной кассы за каждый удар по мячу, поди поищи!

Фельетон обсуждался Красноармейским райкомом КПСС и признан правильным. «За безответственное отношение к строительству детских учреждений и разбазаривание колхозных средств на содержание футбольной команды секретарю парторганизации колхоза тов. Костоглоду, и. о. председателя правления колхоза тов. Романченко и заместителю председателя тов. Горбулину объявлены выговоры. В этом году в станице будет выстроено двое яслей».

Еще бóльших оригиналов Крокодилу удалось обнаружить в г. Алапаевске, Свердловской области. Здесь руководящие товарищи увлеклись совещаниями, причем с участием широких представительских масс из других совнархозов. Одно из совещаний алапаевцы посвятили «обмену опытом производства лопат» (см. фельетон «Что такое лопата?», журнал № 7). Сия животрепещущая проблема привлекла внимание не только Крокодила, но и ВСНХ, который предложил Свердловскому совнархозу ликвидировать заседательские излишества. А в дальнейшем вопросы типа «Что такое лопата, и зачем она нужна?» выяснять во внерабочее время и не за счет государства.

Есть в Чувашском совнархозе такое управление — «Чувашлесдревпром». Солидное название,

Отклики и реплики

солидное учреждение. А вот размещалось оно до последнего времени очень несолидно — на каких-нибудь 365 квадратных метрах! Ходили руководители вокруг своего здания, вздыхали, подсчитывали. А что считать? Горе одно. Мало этажей, мало окон, совсем нет солидных приемных. Очевидно, в результате этих вздохов-подсчетов и родилась идея за счет средств, ассигнованных на жилищное строительство, воздвигнуть новое административное здание. Здание выросло, управление переселилось, жители Чебоксар возмутились. Так появился в журнале № 4 фельетон «Между прочим о совести...».

Как сообщил редакции Чувашский обком КПСС, факты, изложенные в фельетоне, признаны правильными. Управляющему трестом «Чувашстрой» тов. Куприянову И. И. за незаконное строительство объявлен выговор. «Бюро обкома КПСС обратило внимание Председателя Совета Министров тов. Ерлакова А. С. и председателя совнархоза тов. Оболенского Н. А. на незаконное расходование средств, ассигнованных на строительство жилья. Бюро обязало тов. Оболенского за счет уплотнения управленческого аппарата высвободить для жилья 100 квадратных метров. В бывшем помещении «Чувашлесдревпрома» размещено общежитие».

КОРОЛИ ТЕРЯЮТ КОРОНЫ

В городе Ташкенте Крокодил обнаружил нескольких королей. Почти настоящих. Обнаружил и попытался вступить с ними в беседу (см. фельетон «Интервью с королем», № 11). Однако беседа не клеилась. Коронованные особы — экспедитор конторы «Узглавмясорыбторга» Рабинович, инженер фабрики резиновых изделий Щелоков и начальник отдела снабжения асфальто-битумного завода Юлдашев — явно пытались уклониться от нескромных вопросов: откуда у них появились роскошные особняки, королевская обстановка, золото, драгоценности?

Прокурор Узбекской ССР тов. Якубов сообщил Крокодилу, что прокурорским работникам в конце концов удалось побеседовать с королями. В результате Рабинович осужден народным судом на пять лет высылки из Ташкента с привлечением по месту поселения к трудовой деятельности. Особняк Рабиновича и обнаруженные при обыске четыре сберегательные книжки с суммой вклада 4 тысячи рублей, а также имущество Рабиновича конфискованы. Дела Щелокова и Юлдашева расследуются.

ГОД СПУСТЯ

Здесь нет вины Крокодила, что приходится возвращаться к фельетону «Дети и отцы», напечатанному год назад (№ 23, 1961). Ровно столько времени потребовалось парткому и комитету ВЛКСМ Московского технологического института пищевой промышленности, чтобы откликнуться на критическое выступление журнала.

А дело было так же просто, как технология производства кипяченой воды. На некоторых украинских продуктовых базах окопалась кучка воров и взяточников. За короткое время они расхитили огромное количество денег и продуктов. Был среди них и Иван Михайлович Швецов, заместитель председателя Крымского совнархоза — страстный любитель многочисленных сберегательных книжек, дорогих ковров, хрусталя и мебели из карельской березы.

Но разговор в фельетоне шел вовсе не о прожженных ворах. Они сели на отполированную брюками скамью из простой березы и получили по заслугам. Разговор шел об ответственности детей за поступки отцов и, в частности, об ответственности студента МТИПП Виктора Швецова. Он не только знал о нечестных доходах отца, но и сам помогал хранить на сберкнижках деньги, а потом всячески пытался выгородить папашу.

Прошел год. И вот Крокодил со слезами умиления на глазах перечитывает ответ парткома и комитета ВЛКСМ. Сколь много труда затратили они, чтобы решиться обсудить на комсомольском собрании поступок студента Швецова! Да и за что обсуждать? Членские взносы платит, собрания посещает, учится неплохо...

Вы скажете: Крокодил иронизирует, резвится... Ничего подобного! Вот дословный ответ из института: «Учитывая, что за все годы учебы Виктор Швецов добросовестно **выполнял комсомольские поручения**, хорошо учился (дипломный проект он защитил на «отлично»), комсомольская организация посчитала достаточным ограничиться обсуждением его поведения на собрании».

Вот и все перевоспитание! Раз — и готово. Да и зачем перевоспитывать, если членские взносы платит аккуратно. И даже за месяц вперед...

КОРОЧЕ ГОВОРЯ...

ЛЬВОВ. Из местного совнархоза пишут: Каменко-Бугский лесопромкомбинат, который критиковался в журнале № 13, улучшил качество выпускаемого паркета.

ИВАНОВО. «По заметке в № 13 исполком областного Совета сообщает, что выделены ассигнования на капитальный ремонт клуба в селе Преображенском».

ЯРОСЛАВЛЬ. «Обком КПСС сообщает, что факты неудовлетворительной работы телевизионного ретранслятора в Рыбинске (Крокодил № 11) действительно имеют место. Помехи на экранах телевизоров пропадут после вступления в строй в четвертом квартале этого года радиорелейной линии Ярославль — Рыбинск».

«ИМЕЕТСЯ ОТСУТСТВИЕ...»

Фельетон под таким заглавием (Крокодил № 13) вызвал многочисленные отклики читателей. Всех взволновала судьба мальчика-калеки Вовы Ковтуна, изгнанного матерью из дому и не нашедшего, как ни странно, помощи ни в школе, ни в гороно, ни в Часов-Ярском горисполкоме. Черствые, бездушные люди закрывали перед мальчиком двери своих учреждений.

Признаться, Крокодил с особым нетерпением ждал ответа из Донецкой области. Недавно он был получен. Бюро Артемовского горкома КП Украины за бездушное отношение к судьбе ученика Володи Ковтуна объявило выговор директору школы № 17 И. С. Брижниченко, председателю Часов-Ярского горисполкома Н. С. Бенюк и бывшему заведующему гороно З. Ф. Старкову. Бюро обязало горисполком определить Володю в школу-интернат и решить вопрос о лишении материнства Ковтун А. И.

На блесну.

Рисунок И. СЫЧЕВА

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СВИДАНИЕ

— Безобразие! Опять Изольда опаздывает на горсть песка.

Рисунок М. БИТНОГО

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДИВАН

Диван облезлый
Гордым был
И важным:
Высокий Чин
Сидел на нем
Однажды!

ТРУДОЛЮБИВЫЙ ОСЕЛ

Осел трудился
До седьмого пота —
Таскал он
воду
Из реки
В болото.

Игорь РОМАНОВ

г. Ставрополь.

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ

Что нового в сатирическом цехе

ВТОРОЙ «ФИТИЛЬ»

На экранах страны появился второй номер сатирического киножурнала «Фитиль» (главный редактор — Сергей Михалков).

«Поедем напрямик!» — решили с благословения редактора Тарапунька и Штепсель. И отправились вместе с операторами кинохроники по следам сигналов о неполадках в сельском хозяйстве.

В дальнейшем Ю. Тимошенко (Тарапунька) и Е. Березин (Штепсель) выступают не только как артисты—комментаторы разоблачительных кинодокументов, но вместе с украинским писателем М. Билкуном и как авторы текста. Режиссер этой части второго «Фитиля» — М. Романов.

Другая часть номера сатирического киножурнала — мультипликация «Клубок» — разматывает на глазах у зрителей всяческие хитросплетения спекулянтов. Авторы — В. и Г. Караваевы (они же художники) и В. Капинский. Режиссеры — В. Пекарь и В. Попов.

Между прочим

Единственным оправданием плохого работника было то, что он не единственный.

Учитывая, что он стал мастером спорта по баскетболу, его решили оставить в аспирантуре при кафедре математики.

«Риск — благородное дело»,— сказал он и пошел на премьеру. После этого он решил больше не рисковать.

Он любил говорить лишь о том, что хорошо знал, и поэтому всегда говорил только о себе.

М. КРУТИК

Взяточник — бессребреник: брал только бумажками.

Книга, не обогащающая читателя, обкрадывает его.

Когда рак сварен, все худшее для него уже позади.

Стоит ли малярную кисть обвинять в том, что она замазывает недостатки?

Иной раз приходится сожалеть, что дороги жизни не обслуживаются автодорожной инспекцией.

Одухотворенная игра возможна не только на духовых инструментах.

Ц. МЕЛАМЕД

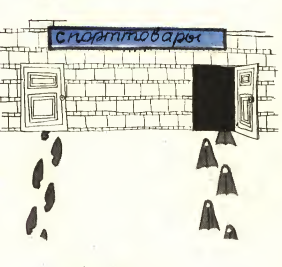
Булочник был тертый калач.

У гадалки весь мир на ладони.

Атеист с божьей искрой.

В. ЛУКЬЯНОВ.

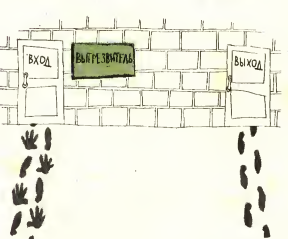

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00115. Изд. № 1075. Подписано к печати 30/VII 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Тираж 1 650 000 экз. Заказ 2157. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

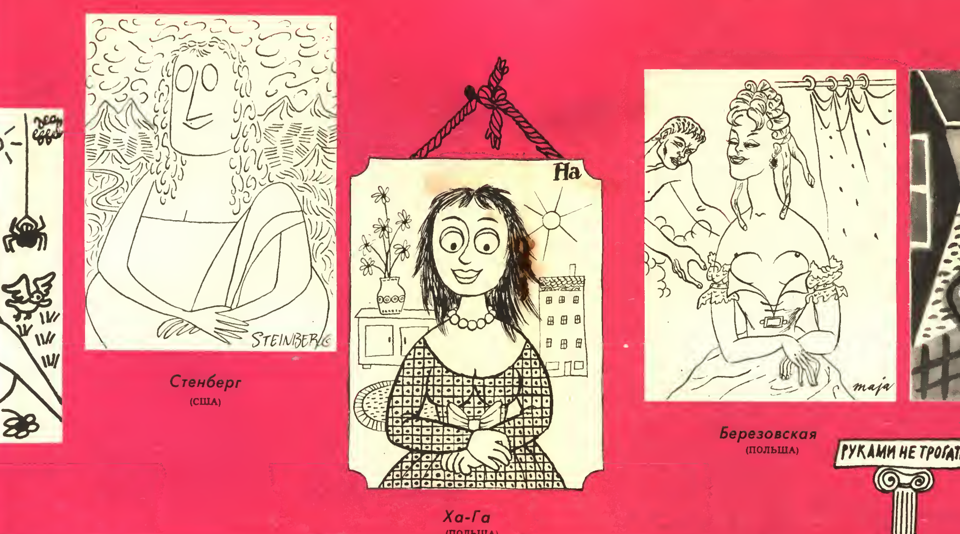
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.

ЗАОКЕАНСКИЕ ОТМЫЧКИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Стенберг
(США)

Ха-Га
(ПОЛЬША)

Березовская
(ПОЛЬША)

Ы

о «Фрукты мой
ание».
рукой не оказа-
рочитал лозунг,
ю пищи, вымой
— одним махом
к зеркалу. Она
го. Вымыл руки.
запил молоком
гда не приходит
ификацию!».
но часом позже
натанное на спи-
Отправившись в
щении вокзала:
лей, я одновре-
сберегу время
аса. Как видно,
очему, он велел
род. К счастью,
не приходится».
новое задание:
человека слиш-
е задумчивости
кто-то сурово.
свечи приступил
л лозунг, поме-
безопасность!».

Я поспешил потушить свечу и благодаря этому спокойно провел остаток вечера.

На следующий день утром мне в глаза бросился плакат «Храни деньги в сберкассе!». Так как после уплаты штрафа леснику мое материальное положение оставляло желать лучшего, я не сумел выполнить это задание. На мгновение передо мной блеснула надежда в образе листовки, которую раздавали на Маршалковской улице какие-то энтузиасты. Там было сказано: «Откармливая поросят зимой, ты поднимешь свои доходы».

Я стал присматривать себе поросенка. Напрасные усилия! Когда, окончательно растерявшись, я чуть не попал под автобус, предо мной промелькнул плакат «Выполняй правила уличного движения!».

Я отскочил на тротуар, не зная, с чего начать.

Избавление пришло неожиданно. Я собрал афиши, плакаты, листовки, коробки от спичек и папирос и с чувством огромного облегчения отнес все это в пункт сбора утильсырья. Меня натолкнула на это папиросная коробка с надписью «Сдавай макулатуру!».

Ядвига РУТКОВСКАЯ

БЕЗ ПЕРСПЕКТИВ

Из окна кабинета было видно все здание большого учреждения. У этого окна Пазуркевич чувствовал себя, как астроном в обсерватории: он открывал тайны чужих миров. Он даже пользовался подзорной трубой. Правда, не новой конструкции.

Пазуркевич всем существом отдавался наблюдениям. Постепенно это занятие стало предметом его настоящей страсти.

Впрочем, со временем простое созерцание перестало его удовлетворять. Он почувствовал, что обязан поделиться добытыми сведениями с другими.

В отдел кадров большого учреждения стали поступать письма:

«В комнатах на третьем этаже (центральное окно), а также на четвертом этаже (окно возле колонны) служащие в рабочее время читают газеты. И, что печальнее всего, весьма выразительно комментируют напечатанные в них сообщения, мимикой и жестами показывая свое отрицательное отношение к нашей современности. В этой некрасивой деятельности активно участвуют высокий блондин в пепельном свитере и низкий лысый брюнет в пенсне (особая примета: на все машет рукой).

Старательный».

«На втором этаже, прямо над воротами, три пожилые женщины, работающие в этой комнате, беспрерывно тратят время на поливку цветов в горшках. Было замечено также, что в годовщину революции одна из них (низкая, полная) повесила над дверями какие-то картины явно религиозного содержания (несмотря на то, что окно это находится на большом удалении от моего, утверждаю с полной ответственностью, что картины эти не имели ничего общего с портретами передовиков нашей организации). Эта же служащая, прежде чем войти в соседнюю комнату (видимо, к начальнику), прислушивается и даже осеняет себя крестным знамением.

Старательный».

«Скандал на пятом этаже, третье окно слева! Служащий в темном костюме, блондин среднего роста (особая примета: часто расчесывает волосы пальцами), самым бесстыдным образом убивает время и не видит, как его подчиненные получают от посетителей взятки в виде красных роз. Пора покончить с гнилью!

Старательный».

Начальник отдела кадров большого учреждения, который был известен своей уравновешенностью, на этот раз возмутился. Он вызвал к себе машинистку и, нервно расчесывая волосы пальцами, со всей строгой указал ей на неподобающее поведение.

— Это тебе старая идиотка Маевская накапала! — закричала недисциплинированная подчиненная.

— Нет, пришло письмо от «Старательного» за порядковым номером 313. Но не в этом дело. Кто тебе подарил цветы, говори! — закричал начальник отдела кадров.

— Тот, кто умеет ухаживать красивее, чем ты! — сквозь слезы воскликнула машинистка. И, погрозив кулаком окну напротив, добавила:— Мерзкий доносчик! Чтоб тебя...

* * *

Чего женщина хочет, то и черту мило. А иногда даже директору.

Пазуркевич, наслаждаясь ежедневным писанием своих сообщений, снискал себе признание у начальства.

— Что за прилежание! — восхищался начальник на общем собрании.— Какой старательный работник! Он не разгуливает по другим комнатам, как некоторые, не заходит поболтать... В одиночестве он сидит у окошка в своей маленькой темной конуре, и когда к нему ни войдешь, пишет и пишет не покладая рук. Я решительно за то, чтобы повысить его в должности. Это пример для всего учреждения.

Старательный Пазуркевич получил повышение: должность заведующего отделом и кабинет в другой части здания.

Усевшись за новый письменный стол и по обыкновению посмотрев в окно, он почувствовал себя человеком окончательно погибшим.

Окно нового кабинета выходило на обширный красивый сквер.